УДК 327+297

Бекир Гюнай

ЛИЧНЫЙ ПАРАМЕТР, ПОВЛИЯВШИЙ НА ПОЛИТИКУ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ. ИСЛАМИЗМ

Целью данной работы является определение степени влияния исламизма на внешнюю политику Турции в период правления Партии справедливости и развития, в контексте кризиса на Среднем Востоке. Исламизм здесь следует понимать как направление, в основе которого, лежит личная религия и которое не наблюдается в разряде вариаций параметров внешней политики страны. Исследуемый период охватывает события, связанные с Палестинским вопросом, послуживший развитию Давосского кризиса, а также спровоцировавший конфликт на корабле «Мави Мармара» и деятельность ассоциации «Братья-мусульмане» в Египте.

Для того чтобы понять изменения, которые произошли во внешней политике во время правления Партии справедливости и развития представляется необходимым вспомнить в общих чертах переломные моменты во внешней политике Турции республиканского периода.

Переломные моменты во внешней политике Турции вплоть до правления Партии справедливости и развития (ПСР)

После 1919 года главную роль на политической арене стала играть Англия. Англия продолжала запускать механизм международной системы. После образования СССР в 1917 Россия была вытеснена из этой системы. Франция, казалось, была на

лидирующих позициях, но с точки зрения выгоды, оставалась в проигрыше. Германия также как и Османская империя реабилитировала свое положение. С подписанием Версальского мирного договора она была лишена прежней силы. Османская империя, вступившая в войну с пограничным государством в 1914 году, по итогам Парижской мирной конференции в 1919 году была выведена Англией с мировой арены. В результате Севрского мирного договора был сделан еще один шаг к порабощению Турции. Однако под руководством Ататюрка турецкий народ вступил в борьбу за независимость, таким образом, доказав другим игрокам на мировой арене, что Турецкая Республика имеет право на существование в создавшемся устройстве мира [1, с. 112].

При Ататюрке развитие внешней политики происходит в два этапа. I. этап, между 1923–1930 годами так называемый этап «*борьбы за существование»,* II. этап, 1930–1938 гг. – этап *«возращение к полноправной жизни»* (Балканская Антанта, Саадабадский пакт). Ататюрк рисковал, ведя на II этапе активную внешнюю политику, но с успехом отвоевал статус региональной значимости Турции. Мы ясно видим это и в решении Хатайского вопроса [2, с. 137]. С Ататюрком внешняя политика Турции была обращена к Европе, и в то же время, стремления усилить своё влияние на территориальных бассейнах Кавказа, Балкан, Среднего Востока, подразумевали последующее распределение регионального господства.

В условиях второй мировой войны, внешняя политика Турции, перейдя с регионального на местный уровень, всё больше стала походить на эквилибристику. Исмет Инёню хорошо изучил мировое распределение сил после 1945 года. Инёню заметил скопление силы вокруг ООН в лице держав-победительниц (Франция, Англия, США, Китай и СССР), образовавшее объединённую структуру и определяющее новое устройство мира. И принял решение занять место в этой структуре. Однако политическое устройство Турции не подходило для членства её в ООН. Под влиянием внешних факторов

и с разрешения народного главы Инёню Турция перешла на многопартийную систему в целях демократизации внутренней структуры общества. Теперь перед нами была страна, политика которой была открыта для внешнего воздействия.

«Согласная на все условия Турция»

После 1945 года Турция старалась занять определенное место в уже упоминавшемся новом устройстве мира (в условиях «холодной войны»), создатели которого США, СССР и Англия стали организаторами игры Потсдамской и Ялтинской конференциях. Однако изменения, произошедшие во внешней политике Турции в 1945-1950 гг. были не что иное, как подходящий дизайн внутренней структуры изменений в течение холодной войны.

От перехода к многопартийности до периода власти под руководством Мендереса, параллельно с демократизацией внутренней политики Турции, для внешней политики также было избрано приемлемое направление, обращенное на запад. В процессе этого Турция также обозначила главную цель. После вступления в НАТО этой целью стало обращение в Европейское экономическое общество [3, с. 177].

Параллельно с развитием политики в мире и в Турции сформировалась внешняя политика, направленная на объединение в союз с Западом [4, с. 96] и США и поддержание «статус-кво». С этого времени определяющей силой во всех внутренних и внешних политических событиях было НАТО и США. Этот период был обозначен Камураном Инаном одним выражением «*согласная на все условия Турция»* [5, с. 16]. Мендерес в 1950–1960 гг. следуя политике, ориентированной на США время от времени проявлял инициативу на Балканах и Среднем Востоке [6, с. 61]. В 1957 году Турция, находившаяся за пределами сирийского кризиса и внезапно оказавшаяся внутри данного события, оказалась неспособной справиться с ним. В конце концов, всё закончилось тем, что из

уравнения сил СССР – Насыр Турция была не допущена на Средний Восток. С этого времени вплоть до 1990х годов Средний Восток воспринимался турецкими дипломатами как Дальний Восток.

После 1945 года по всему миру распространились необоснованные страхи, навеянные движением маккартизма. По мере того, как в представлении мира закреплялась такая идея, что «*Турция оккупирована со всех сторон, а соседние государства хотят сокрушить её»,* необходимость в союзничестве стремительно росла. В 1974 году в операции по поддержанию мира на Кипре поведение союзника в лице США повергло в шок политическую власть Турции [7, с. 238]. Сомнение по поводу действительно ли это «*союзник»* развеялось в результате нескольких «*переворотов»*. Вплоть до 1980-х гг. в период холодной войны Турция в делах внешней политики находилась под давлением и «*имела то статус фигуранта, то запасного игрока»*. В этот период на повестке дня у дипломатов было посещение Кипра, районов Эгейского моря, материка. Странным было то, что при таком узком охвате территориальной деятельности, внешняя политика Турции была далека от решительной позиции. Турецкая внешняя политика была политикой государства, где слепой ведет слепого. На этом этапе Турция не шла на риск, была пассивной, бездействующей, но подвержена влиянию (внутри и извне) и представляла страну третьего мира.

После прекращения в мире холодной войны в 1989 году, при Ёзале, который видел необходимость приложить усилие и сделать шаг вперед, во внешней политике Турции началось оживление. Благодаря отчасти личным стараниям Ёзала она стала эффективной, динамичной, тем самым привлекала к себе внимание. В этом периоде, открывшая новые горизонты Турция, предприняла попытки вести активную политику в бассейнах Балкан, Среднего Востока, Средней Азии. В это время в глаза бросается тот факт, что Турция иногда согласовывала свои действия с союзником США, а иногда

предпринимала самостоятельные шаги (Организация черноморского экономического сотрудничества) [7, с. 333].

Период правления Партии справедливости и развития и внешняя политика

Если мы посмотрим на фотографию Турции после 1989 года, то увидим, что, страна, стараясь выбрать себе место, как бы беседует сама с собой: «новое Османское» или «отход от Запада»? Смерть Ёзала в разгаре этих размышлений, последовавшее за ней избрание президентом Сулеймана Демиреля и коалиционное правительство, членами которого были Тансу Чилер, Месут Йылмаз, Эрбакан и Бахчели привели к тому, что страна была полностью обращена к внутренней политике, оставаясь безучастной к развитию внешних дел. Во время переживания «современного переворота» Турция положила основу нового политического образования. С прекращением существования Партии благосостояния, отделившись от партии Добродетели (вновь образовавшейся Партией благополучия), 11 августа 2001 года Тайип Эрдоган вместе с Абдуллах Гюлем образовали Партию справедливости, после чего они в 2003 году пришли к власти. Так начался новый виток во внешней политической жизни Турции.

Значимой личностью в составе ПСР являлся Ахмет Давутоглу, который сначала исполнял обязанности советника, затем был министром иностранных дел, а выражения из написанной им книги под названием «стратегическая глубина» определили новую модель внешней политики.

Начиная с 2000 года, в политической жизни Турции закончился период коалиционного правительства. Главное в Турции теперь была однопартийная система, что положило начало и изменениям во внешней политике. Давутоглу, определил внешнюю политику ПСР. Внешняя политика страны не могла быть выстроена без знания основных сведений о народе. Этими основными сведениями были

религия, язык, история, культура [8, с. 17]. Эти данные были своего рода игроками команды, строящей внешнюю политику. Религия, язык, история, культура это основные элементы, которые оказывали влияние друг на друга. Исламская религия, турецкий язык, исторический процесс, переходящий из Средней Азии в Османскую Империю, оставили глубокий след, окрасив регионы от Средней Азии до Индии, от Туркестана до Ирана, от Среднего Востока до Северной Африки и Балкан. Для того чтобы оживить местные следы, оставленные в культуре, необходимо применить к определенному периоду так называемую *«мягкую силу»*. Во внешней политике Турции наблюдается вполне понятный интерес к ближним регионам, таким как Кавказ, Балканы [8, с. 124], Средний Восток [8, с. 137]. Для того чтобы применить наши данные, которые несомненно являются нашим козырем, во внешней политике необходимо использовать совокупность таких факторов как экономика, армия, и технологии параллельно, либо вместе с упомянутыми элементами. Несомненно, в процессе применения этой формулы основными инструментами должны быть стратегический ум и политическая воля. Сформировав таким образом форму новой внешней политики Турции, министр иностранных дел Ахмет Давутоглу предоставил возможность применить её на практике правительству Тайипа Эрдогана.

Исламизм как специфический параметр, повлиявший на внешнюю политику ПСР

Обычной темой для споров во внешней политике с теми, кто принимает решение, является влияние на события личностных убеждений исполнителей. Косвенно те, кто принимают решение, определяя стратегическое видение, используют передающиеся из поколения в поколение ценности (религия, история, культура), географию, сферы влияния (такие как язык), экономику, армию и технологии. Из этого вытекает главная задача. Рассчитываются возможные риски, и начинается движение непосредственно к

обозначенной цели. Осуществляя вышеизложенное, политическая власть и исполнители непременно должны двигаться вместе. Внешняя политика это командная деятельность. Если человек будет зависеть от индексов, то внешняя политика не будет успешной. В период Тургута Озала самой главной проблемой внешней политики стало то, что человек зависел от показателей. Вместе с тем в видении внешней политики отклонение от цели возможно из-за того, что внешние и внутренние факторы не были просчитаны и во время проконтролированы. Если отклонения велики, то либо в применении, либо в формулировании этого видения были допущены ошибки в расчёте. Причиной ошибки может также стать неграмотность, либо индивидуальное поведение исполнителей. К достижению какой-либо цели во внешней политике государство должно двигаться как одно тело. Где думает мозг, говорит рот. Руки и кисти отвечают за координацию движения. В случае если рот говорит не то, о чём думает мозг, а руки и ноги перемещаются в противоположном направлении, выходят абсурдные движения. Личные верования членов политической власти не должны влиять на видение внешней политики. Вместе с этим не стоит забывать следующее. Политические, религиозные, национальные взгляды людей, так или иначе, влияют на их действия. Проблема здесь заключается в том, что если при объявлении направления не отталкиваться от системы национальных ценностей, а придерживаться личных предпочтений, то непременно последует отклонение от курса. В результате цель будет утеряна. Если в начале совместно намеченные, поставленные, обговоренные цели в конце сойдутся у разных точек, это может привести к необратимым последствиям. Представьте, пассажиры вместе с капитаном до отправки судна наметили предстоящий курс, после выхода в плавание, капитан по собственной прихоти поворачивает судно в другом направлении, не спросив об этом у пассажиров. Естественно, такое поведение вызовет долговременные серьёзные трудности на судне. К тому же, из-за непредусмотренных

внезапных движений воздуха, капитану, приходится рисковать, опираясь на личный опыт, преодолевать трудности для достижения желаемого места. Здесь риск капитана можно принять за подрыв безопасности экипажа. В таких ситуациях представляется необходимым изучить индивидуальное поведение и убеждения капитана, сыгравшего роль человека, сбившего с курса судно.

Отталкиваясь от вышеизложенной ситуации, в данной части нашей работы мы, сначала проследим за процессом уравнения исламизма в Турции и на Среднем Востоке. А затем рассмотрим и изучим некоторые события в политике на Среднем Востоке, на которые оказал влияние исламизм, фигурировавший во взглядах представителей политической власти премьер-министра и министра иностранных дел, и внедренный во внешнюю политику Партии справедливости и развития. Данный вопрос был поднят также в *Стратегической глубине.*

Движение исламизма на Среднем Востоке и в Турции

Понятие исламизма берет своё начало с 1920-х гг. и в настоящее время известное во всем мире движение. Образовалось это движение в период правления Абдулхамида II. Абдулхамид II в первые годы своего царствования придаёт значение османизму [9, с. 72]. Начиная с 1890-х гг. отвергает эту идею. Абдулхамид II выстроил свою внешнюю политику на треножнике. «*а. предусмотрительное уравнение сил с европейскими державами, в то время как Англия и Россия во главе, б. обеспечение безопасности и развития, за счёт объединения османского общества на основе религиозных убеждений, в - использование халифата как устрашающий элемент для колониальных стран, где находились мусульманские колонии, в то время как Англия и Россия во главе*» [10, с. 191]. Здесь, как уже было сказано, Абдулхамид II использовал ислам и халифат в качестве защиты Османского государства. У падишаха не было цели создать исламское объединение. Идею панисламизма Абдулхамиду II

подсказали Джемалеттин Афгани и Мухамммед Абдух [11]. Они описали это понятие в своей книге под названием «Мусульманство» [12]. Писатели выдвинули свои идеи перед Османским государством задолго до Абдул-Хамида II. А в политику они пришли в последние годы его правления. Падишах, основываясь на работе разведывательной организации, применил исламизм в государственной политике и перенес его на международную арену. По этой причине Османская империя выдвинула фигуру халифа, который представлял голос мусульман на огромной территории от Японии до Алжира, от Алжира до Китая. Влияние Абдул-Хамида II наблюдалось даже в действиях исламского движения на территории США [13]. После Абдул-Хамида II понятие исламизм развивалось наряду с идеями западничества, пантюркизма, которые также повлияли на политическую жизнь Турецкой Республики [14, с. 77].

II. Мехмет Акиф Эрсой, Мехмет Шемсеттин Гюналтай и Бадиуззаман Саид Нурси поставили своей целью привнести из общественного основания в жизнь идеи панисламизма, принадлежавшие Абдул Хамиду II [14, с. 82–86]. Через некоторое время Саид Нурси писал *«это явление заметно выделилось на фоне обычной повседневности, оказало влияние на религиозные вопросы 1908–1918 гг., идею которого можно было наблюдать в работах некоторых мыслителей, далёкое от концепций Дюркгейма, возможно даже находившееся в программе организации Исламизация родной стороны»* [15, с. 231]. Находившись в 1926 году в ссылке в Ыспарте, Саид Нурси по его словам *«обрёл для себя самый подходящий фундамент, с точки зрения исполнения религиозных обязанностей»* [15, с. 240]. В Турции при слове «исламизм» на ум, несомненно, приходит ни кто иной, как Мехмет Акиф Эрсой. Он заложил основу исламизма в Турции с помощью своих произведений и статей в журнале «Предначертанный путь». Мухаммед Абдух это человек, оказавший наибольшее влияние на Акифа Эрсоя. Это было заметно

по его описанию «*учитель был свободно мыслящим колоссальным философом. Сторонником снисхождения к религиозному вопросу. В этом отношении он оказал сильное влияние на шейха Абдуха»* [16, с. 28]. Саид Нурси занимался обучением учеников и сочинением произведений. В этой деятельности на первый план вышли Саид Нурси, Акиф Эрсой и Мустафа Сабри Эфенди. Мустафа Сабри Эфенди является основателем Партии свободы и единения. В газете «Пейями ислам» власти Анкары предъявляется тяжелое обвинение [17, с. 264]. Исламизм с проблемой в систематизации принимает нелегальный вид. Вплоть до 1945 года движение находится под прессингом. Между 1950-1970 годами с переходом Турции на многопартийную политическую систему, наряду с фактором влияния Демократической партии на политическую жизнь, накладывался отпечаток религиозных понятий. *«Теперь всё в турецком обществе созидалось с обращением к дикой модели поведения. Не навеянный историческим наследием древней Турции данный протест есть не что иное, как очередное желание выразить нереальность угнетения традиционной, культурной личности, которой завладел порядок, установленный республиканским обществом. Желание возвратиться к истокам, сожаление об утраченном духовном покое, который описан в исламских доктринах, господстве общественного порядка, подобный тому, что был во времена Пророка и страхе Господнем …»* [18, с. 37]. Идея исламизма вновь ожила. Сразу же после перехода к демократическому устройству, открытие лицеев по подготовке имамов-хатибов заложило основу исламского политического направления. В это время в политической жизни Турции в качестве источника материала используются два образовательных учреждения лицеи имамов-хатибов и сельские институты. В обществе появлялись отголоски понятия исламист, они были слышны от Нуреттина Топчу и Неджипа Фазыла, Национальной турецкой ассоциации учащихся и политического течения «Народной точки зрения».

Внешние факторы, повлиявшие на идеологию исламизма в Турции

Существует три внешних фактора, повлиявших на исламизм в Турции. Это ассоциация «Братья-мусульмане» в Египте, исламская революция в Иране в 1979 году и движение афганских муджахитов. Присвоившая себе понятие исламизма Ассоциация «Братьев-мусульмане» в Египте, в 20-х годах оказала большое влияние на суннитов на Среднем Востоке. У основанной Хасаном эль Бенна в 1928 году ассоциации «Братья-мусульмане» за короткое время прибавилось количество сторонников среди народа, вместе с Сайидом Кутупом они вывели понятия на новый интеллектуальный уровень [18, с. 121]. Сейид Кутуп писал *«…Исламизм по историческому месту происхождения и долгу не желает оставаться вдалеке от совести человека в его жизненном опыте. Территориальное пространство, принадлежащее королю или императору, которого боятся, никогда не сократится. С точки зрения духовности, религиозности, материальности и светскости вся человеческая жизнь это пространство для его деятельности и служения. И никакая система, строй или другая сила не оказывает на него никакого влияния*» [19, с. 17]. Данные положения имели влияние, как в Турции, так и на Среднем Востоке. С другой стороны произошедшая в Иране в 1979 году Исламская революция изменила взгляд исламистов на понятие «революция» [20, с. 39]. Исламская революция была осуществлена в Иране в 1979 под руководством Хомейни. Вплоть до 1983 года страна занималась выходом из кризиса и только затем предприняла попытки устранить революцию. Прежде всего, этим занималось вновь сформированное Министерство по урегулированию религиозных конфликтов или министерство, «помогавшее встать на истинный путь». Революция в Иране выражала сопротивление господству США, западным ценностям. Считалось необходимым её распространение.

Прямое тому доказательство начавшаяся после революции ирано-иракская война. Среди мест распространения идеи иранской революции наблюдается и Турция. Помимо существования на территории Турции джафаритов, Иран внедрился в изыскания политической жизни страны после 1980 года, что способствовало утверждению в ней исламистских верований. Иран посредством издательских домов, выпускавших журналы, действовал на молодой исламский сектор. Переведенные на турецкий язык книги Али Шериати демонстрировали плотную пропаганду шиизма и революции. Хамид Алгар следующим образом высказывается о работе Шериати. *«Понятно, что он трактует ислам не в общепринятом европейском понимании, не как религию (вероисповедание), то есть исключительно и прежде всего как нечто духовное и нравственное, связанное с отношениями представителя рода человеческого, а наоборот как идеологию, то есть совокупность системно-упорядоченных взглядов на мир и в полном смысле этого слова реальный спланированный план по становлению человека как индивидуального и общественного субъекта»* [21, с. 107]. Понимание того, что революция повлечет за собой неминуемое столкновение с европейскими ценностями и их разрушение, оказало влияние на молодых исламистов Турции [22, с. 42]. Целый ряд журналов и похожих издательских домов поспособствовали тому, что внушительная читательская масса начала верить – «единственный путь лежит через Исламскую революцию» и США, Европейское экономическое сообщество, Россия это большое зло. Турция, приняв данную деятельность Ирана на своей территории заодно с турецко-исламским синтезом, постаралась всё же ей препятствовать [23]. В конце 1980-х гг. в основных сферах Турции не нашлось широкого отклика на внезапное превращение иранского политико-исламского определения в «шиитский исламизм». Однако поколение 1980-хх гг. в возрасте 20 лет всё же было под влияние Ирана. Афганистан так же повлиял на исламистское направление в Турции и произвел сильное

впечатление на народ. В 1979 году войска СССР были введены на территорию Афганистана. Тогда в Афганистане появилось такое исламистское выражение как «вооруженное движение суннитов моджахедов» [24, с. 22]. Такие интеллектуалы, как Гюльбеддин Хикметяри и Бурханеддин Раббани определили деятельность моджахедов как исламское движение сопротивления Западу. Афган Муджахит опубликовал большое количество книг и журналов на тему движения моджахедов. Действия войск СССР направили взоры турецких исламистов на Афганистан. Тот факт, что данное движение придерживалось Суннитского течения, стал причиной присоединения к нему больших масс из Турции, принявших участие в войне. Ещё большее влияние на турецких исламистов оказали те, кто вернулся со священной афганской войны.

Как результат, ассоциация «Братья-мусульмане», Иранская революция и движение афганских моджахедов сильно повлияли на деятельность исламистов в Турции. Политическим проявлением данного движения является «Национальный взгляд».

Национальный взгляд в турецкой политике.

Движение исламизма на территории Турции появляется в политической жизни наряду с понятием Национальный взгляд, произнесенным основателем Партии национального порядка (ПНП) Неджметтином Эрбаканом 26 января 1970 года. *Несмотря на то, что объективные условия, диктовавшие основание ПНП до предела обострили функциональное расслоение индустриализированного турецкого общества, пресса и общественное мнение охарактеризовали вновь образовавшуюся партию и ее руководителей как организаторов исламизма путём политической деятельности. Нельзя сказать, что в таком определении партии есть преувеличение. Так как лозунг Эрбакана, выступавшего на выборах в качестве кандидата еще в 1969 году, был «создание религиозно-националистической Турции»…* [25, с. 99]. Впоследствии Партия

национального порядка продолжила свою работу, однако стала называться Партией национального благополучия. В период коалиционного правительства 1970-1980 гг. Эрбакан, заняв активную позицию, *«в качестве основателя и лидера «Национального взгляда» сделал вклад в развитие политики исламизма за четверть столетия»* [26, с. 180]. После 1980 года политика Эрбакана перешла в разряд запрещенных. Однако, вместе с выращенным молодым поколением Эрбакан ещё более углубился в исламистскую деятельность. В 1980-х гг. в период правления Тургута Ёзала Национальный взгляд находит приемников в Партии Отечества. В конце 1990-х гг Эрбакан наконец вернулся вновь в политику, и хотя движение «Национальный взгляд» застало правления Партии Благосостояния, это не привело к успешной деятельности. «*Первостепенное значение для Эрбакана имела не демократия, а политический исламизм, а ислам он воспринимал не как политическую систему, а личное вероисповедование. Такие взгляды ставили его в затруднительное положение. По той причине, что, в конце концов, те, кто упоминал ислам, начали представлять его как регрессивное явление. В итоге народ отвернулся и от Эрбакана и от Партии Благосостояния. И 28 февраля 1997 года правительству Эрбакана далеко не демократичным образом пришлось уйти в отставку…»* [27, с. 71]. С прекращением деятельности данной партии начался процесс формирования Партии справедливости и развития. Абдулла Гюль и Тайир Реджеп Эрдоган вышли из партии Благосостояния. Тогда …. *«им дали название «исламисты». Одни называли их «умеренными исламистами», а другие «исламистами-демократами»* [28, с. 205]. Большинство членов Партии справедливости и развития не случайно формировали бывшие участники движения «Национальный взгляд».

Если взглянуть на концепты внешней политики «Национального взгляда», то там главенствуют: *1. Важная часть внешней политики имеет ярко выраженную индивидуальность, 2. Защита прав, 3. Турция это не государство-сателлит, а страна-лидер* [29, с. 31].

Давутоглу по-другому интерпретирует эти понятия. Сразу же после образования Партии справедливости и развития, как уже упоминалось, появилась новая модель внешней политики Давутоглу. *«В Турции с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 году… с появлением новой стратегии и идеологического подхода во внешней политике, вновь образовавшаяся партия претенциозно стала, как её назвали переломной фигурой очень спорного периода. Большинство споров и возражений в сторону ПСР, высказывалось относительно их внешней политики… Споры по поводу внешней политики партии акцентировались на её религиозной направленности, точнее говоря, приверженности исламизму»* [30, с. 432].

Последствия исламизма ПСР; Палестина, Хамас и Египет. Пример ассоциации «Братья – мусульмане»

Давутоглу пишет в своей книге: *«Ввиду новых обстоятельств, политику Турции на Среднем Востоке необходимо было пересмотреть. Турция потеряла самые стратегические пояса на Среднем Востоке в первой четверти данного столетия, во второй и третьей четверти, в основном переживала процесс отчуждения, а в четвертой четверти выстраивала цепочку отношений, состоящих из взлётов и падений с областью, снова попавшей под её управление. Таким образом, приходится расценивать отношения с данной областью как вновь укоренившимися»* [8, с. 142]. И вынужденно и с целью открытия новой сферы главным объектом Турции на Среднем Востоке стала Палестина.

Палестинский вопрос 1948 года наряду с образованием Израиля это кровоточащая рана Среднего Востока. С 1970-х гг. данный вопрос, заинтересовав сначала мусульман, затем арабов, а потом и весь мир, перешёл в статус хронического. Страны, желающие быть авторитетом в исламском и арабском мире, пользуясь Палестинским вопросом, извлекали выгоду, открывали новые сферы.

Интересовавшиеся данным вопросом государства имели двустороннюю выгоду, с одной стороны оказав помощь палестинцам, с другой стороны, ударив по Израилю. Классический план турецкой внешней политики сохранялся вплоть до правления ПСР и состоял в ведении двусторонних отношений параллельно американской стратегии, признании и сохранении безопасности Израиля.

Согласно новой модели внешней политики, Турции необходимо было открыть новую сферу влияния на Среднем Востоке. Для этого страна приблизилась к Палестинскому вопросу. Для чего были предприняты два стратегических шага. Первый шаг заключался в ликвидации несправедливости палестинцев и концентрации на гуманных действиях. Второй в открытии новой сферы политического влияния. Между тем, вмешивание Израиля в жизненные сферы Палестины привели к сокращению его площади. «*Стремления ПСР развить отношения с Арабским миром и предпринятые неудачные шаги к солидарности, критика политики Израиля по отношению к Палестине привели к ослаблению комплексных и выгодных отношений Турции с Израилем*» [31, с. 92]. Одержать победу в 21 веке предстояло не на поле боя, а путем средств массовой информации. Понимая это, Турция видела подходящую для этого арену в Давосе, месте формирования мировой политики. Вплоть до Давосского кризиса Турция держала отношения с Израилем под контролем. *«Словесная перепалка премьер-министра Турции Эрдогана с президентом Израиля Шимоном Пересом на ежегодном экономическом форуме в Давосе стала очевидной. Эрдоган выразил протест против стремлений Переса узаконить действия Израиля и обвинил президента, сказав, что он прекрасно, знает, как убивать израильтян»* [32, с. 15]. Этим поступком Турция перетянула на свою сторону арабское общественное мнение, последующие усилия были направлены на демонстрацию проявления негуманных действий Израиля в отношении палестинцев. Поступая так, страна рассчитывала оказать максимальное давление общественного мнения

на Израиль, посредством гражданской инициативы, а не государственных органов, тем самым обеспечивая стабильность открытых сфер деятельности. Для этой цели была спланирована и приведена в действие операция «Мави Мармара». И в операции «Мави Мармара», и в событиях в Давосе Турция в отношении Израиля применила методы психологического воздействия. Турция впервые опробовала такой метод. А Давосский кризис стал пиком всех событий. В последние годы политическая борьба между державами ведется при помощи средств массовой информации. Победители и побежденные определяются по успеху в мировом медиапространстве. Массам посылаются сообщения, используя язык жестов. Выступление премьер-министра Тайипа Эрдогана в Давосе на мировом телевидении, затрудненное положение президента Израиля, обернулись для Турции победой над Израилем путём средства массовой информации. Этой победой Турция переманила на свою сторону общественное мнение арабского мира, создав психологическое преимущество над Израилем, вышла на арену Среднего Востока. *«Насколько высказывание «одна минута» породило нарциссическую гордость в Турции, настолько в Израиле оно уязвило национальную гордость»* [33, с. 11]. Для того чтобы отнять психологическое преимущество у Турции, Израиль начал войну символов. Первое нападение в войне символов Израиль осуществил, посадив турецкого посла в Тель-Авиве в низкое кресло. Война символов сделали отношения между двумя странами натянутыми.

Переломным моментом в турецко-израильских отношениях стал инцидент «Мави Мармара». Операция «Мави Мармара» была начата при поддержке общественного мнения, проводилась в гуманных целях, с намерением привлечь народное внимание к человеческой трагедии, живущих в секторе Газа и помочь тем, кто пострадал от несправедливости [33, с. 13]. Данное действие было гражданской инициативой. Целью чего было доплыть до берегов сектора Газа по

нейтральным водам через Египет. Был упущен тот факт, что объявленные Израилем границы жизненного пространства страны больше, чем те, что обозначены на международном уровне.

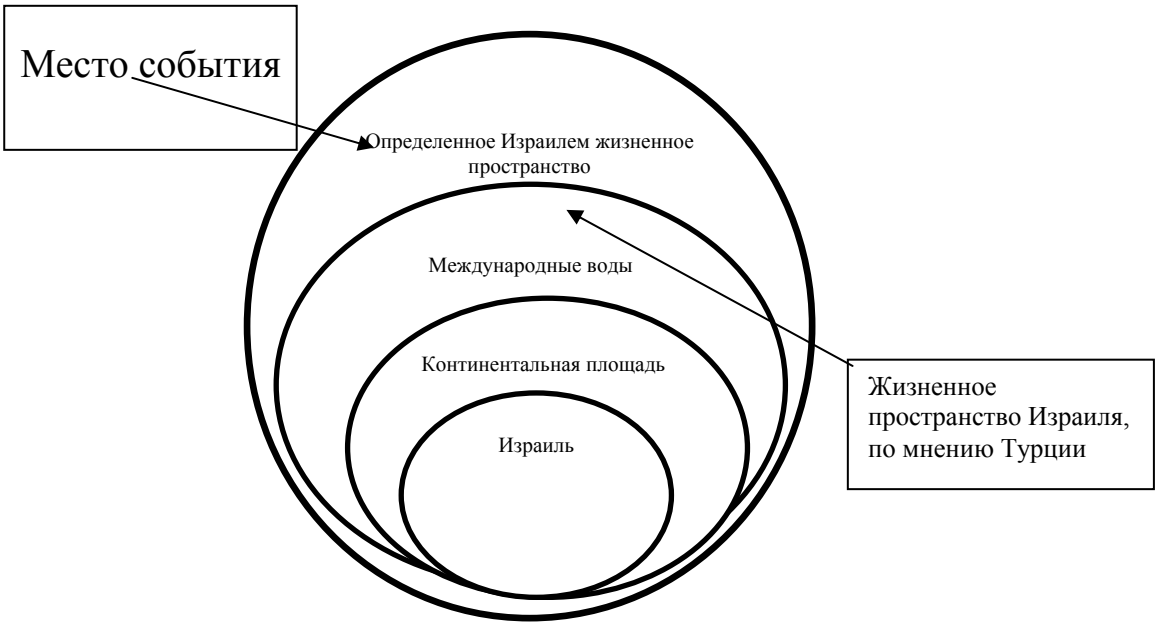

График события «Мави Мармара»

К тому же, Израиль напал на находящийся в международных водах пароход «Мави Мармара», принадлежащий Турции. Реакцией Израиля, «припертого к стене» была жесткая защита своей территории. Девять турецких соотечественников погибло. Турецко-израильские отношения значительно усугубились. Данное событие произошло в международных водах. С точки зрения юрисдикции Турция была права. Но забытый отказ от общепринятых правил Израиля, который сам для себя определил жизненное пространство, похоже, было выше всяких юридических норм. Не обозначив своих границ, Израиль расценил турецкий ход как нападение на жизненное пространство, и как взятие реванша за инцидент в Давосе. Из-за этого действия Турции были несправедливо очернены со стороны мировой общественности. Преимущество путем кровопролитий перешло к Израилю. Отношения из разряда политических перешли в разряд представительств «поверенных в делах». «Запечатленное в памяти

турецкой общественности нападение на «Мави Мармара» министр иностранных дел Турции Давутоглу охарактеризовал как событие, произошедшее 11 сентября. Из данного определения, сделанного Давутоглу, понятно, что конфликт на корабле *«Мави Мармара» нанёс глубокую травму турецкому обществу. Потому что для последнего нападение на «Мави Мармара» создало преграду к надежде и ожиданиям на становление себя как успешного общества, которое только освободилось от чувства стесненности в правах. Как и отдельная личность, которой мешает какая-то преграда, так и общество перед препятствиями испытает чувство гнева»* [33, с. 14]. Этот гнев стал основой внутренней политики в рамках Палестинского вопроса. С этого момента Палестинский вопрос стал первым пунктом на повестке дня в Турции. Турция была очень эмоциональна по поводу Палестинского вопроса и «Мави Мармара», так как они стали её внутренними проблемами. Поступки также стали окрашиваться в экспрессивные оттенки. Помимо Палестинского вопроса на первое место в ряде правительственных задач Тайип Эрдоган поставил еще Сектор Газа и Хамас. Причина этого в положении Хамас. Будучи исламским понятием Хамас, стал проекцией египетских «Братьев-мусульман» в Палестине. Политическая партия Хамас, которой не управлял Махмут Аббас, получила в Палестине около 60% голосов. Сразу же после этого ХАМАС укрывшись в секторе Газа, неофициально формирует там государство и разделяет Палестину на две части. В Израиле на Хамас постепенно оказывали давление, снабдили оружием. Для западного мира Израиль представил Хамас как террористическую организацию. В этот момент в события вмешалась Турция. Исламистское прошлое и независимая политика ПСР позволила взглянуть на Палестинский вопрос глазами Хамас. После события на корабле «Мави Мармара» Палестинский вопрос стал основой во внутренней политике, продвинувшись вперед на один шаг, превратился в «вопрос чести» в израильско-турецких отношениях. С этих пор Турция начинает терять инициативу. Израиль

начал настраивать мировое сообщество против Турции. Причина притеснения Турции кроется в разнице места, откуда велось наблюдение за развитием события и местом происшествия. Турция смотрела на событие с позиции Хамаса. Подобно тому, как мировое соотношение сил на момент кризиса было не установлено, так и Турция, не являясь изначально на мировой политической арене лидирующей страной, не смогла прийти в конце к желаемому результату. Президент Палестины Махмут Аббас был выведен из игры. Это с позиции Турции стало поводом встать на сторону Палестины в решении её внутреннего вопроса. Последовало сближение с Палестиной. Затем Турция возьмет на себя роль рефери, а Палестина проявит старание в установлении равновесия. В палестинском вопросе целью стало сузить территорию Израиля, открыть новые территориальные сферы для Турции и передать инициативу в вопросе в руки Палестины. Наконец такая возможность представилась, была предпринята попытка. Израиль же сохранил свои территории.

В результате ПСР привела Турцию к поборничеству в Палестинском вопросе. С другой стороны прослеживалась доброжелательная политика по отношению к Хамас. В политике на Среднем Востоке Турция при погружении в исламский и арабский миры проложила себе дорогу особенно в народных кругах. Однако на уровне руководства такого не было. Внешняя политика Турции находилась под давлением. В подобном положении находились и лидирующие страны США, Россия и ЕЭС. Тот факт, что данные страны приняли сторону Израиля в Палестинском вопросе, стало для Турции поводом к формированию так называемой политики «обособленности», вызывающей споры все последующие годы. Если посмотреть на событие «Мави Мармара» с точки зрения результативности, то можно отметить возникновение неуправляемого кризиса в Турции, преобладание государственной внешней политики, *«политики, на которую сильно повлияла*

исламистская специфика» [34, с. 36] над гражданской инициативой и личностными верованиями.

Несмотря на всё это, если дискуссировать на тему достижений активной внешней политики Турции на Среднем Востоке, можно заметить намерение занять лидирующую позицию, и отсутствие его осуществления. Однако Турция взошла на политическую арену как определяющая сила. С тех пор Турция вела более активную и ревностную политику на Среднем Востоке. Несмотря на все отрицательные или спорные моменты, даже если учесть расплату за свою неопытность на Среднем Востоке, при оптимистичном взгляде, Турция получила большой опыт в международном кризисе. Одного не стоит забывать, будучи сторонником на Среднем Востоке, нужно быть готовым ко всякого рода кризисам. И действительно, такой кризис случился в Египте.

Братья-мусульмане, Египет и ПСР

Во время правления ассоциации «Братьев-мусульман» в Египте было обнаружено влияние исламизма, подобное тому, что было во внешней политике Партии справедливости и развития. Появившееся в период политической деятельности «Братьев-мусульман» и с приходом к власти Мурси, явление Арабской весны[1] началось в

[1] Явление **Арабской весны** явление спонтанное. Изучая феномен Арабской весны, я изначально употреблял слово осень, а не весна. Причина этого в том, что начиная с 1928 года, наблюдалось стремление ослабить область во время Арабской весны, контроль над которой осуществляли исламистские организации. В умах англосаксов не укладывались события в Тунисе. Но после событий в Алжире и Ливии, ситуация была взята под контроль. Египет является доминирующей страной в Арабском мире. Когда события перекинулись в эту страну, Запад пустил «Арабскую весну» по пути системного опустошения. Ни одно движение в мире не длилось 17 дней и не заканчивалось одномоментно на следующий день. Классический пример стихийности народных движений это Французская революция или революция в России. Природные скопления идут по пути неконтролируемого взрыва и постепенного ослабления. В Египте же существовало скопление, была проложена дорога к взрыву, который, однако, находился под контролем. Там же у власти находилась ассоциация «Братья-мусульмане», но править она была не в состоянии. Политическая структура, пришедшего к власти после Мурси, Сиси схожая со структурой Мюбарека, которого освободили, признав его невиновность, и события в Египте, которые даже не называли

Тунисе в 2010 году, с самосожжения безработного молодого человека по имени Мухаммед Буазизи, как ответной реакции на выражение Свободы существующего руководства и политической деградации. За короткий срок это движение обернулось народным митингом, обращенным к Зейнель Абидин Бин Али, который управлял Тунисом на протяжении 23 лет. Так же стремительно события перекинулись в Алжир, Ливию и, наконец, в Египет. События «Арабской весны», особенно начиная с 1928 года, нахлынувшие на страны Среднего Востока, проложили путь к власти исламистских движений. До «Арабской весны» понимание плюралистической демократии сделало необходимым обладание мандатной системы на территории Среднего Востока. В конце концов, наплыв исламистских движений обеспечил фундамент для их правления. «Арабская весна» в Египте также закончилась свержением Мюбарека и приходом к власти «Братьев-мусульман».

На первом этапе восприятия Арабской весны в Турции возникли сложности, но уже в событиях в Ливии, связанных с Каддафи, она, быстро осознав происходящее, приняла сторону народа. Такое поведение, однако, в полном смысле этого слова спровоцировало политический кризис во взаимоотношениях Турции и Египта. Где в

переворотом говорили о том, что всё исполнялось под контролем Запада. Как показали последние исследования целью «Арабской весны» является прекращение действия столетней мандатной системы. В связи с чем, концепции, сформировавшие данную систему, показали на примере Египта, что будут использоваться все средства, чтобы не допустить прекращения её действия, для её дальнейшего существования. В этом отношение и с точки зрения этичности место положения Турции правильное, а вот методы и стиль ошибочные. Поэтому Турция и не могла добиться результата в вопросе Египта. Это мы проанализируем в дальнейшем. В последнем исследовании «Арабская осень» закончилась, а события «Арабской весны» сигнализируют о своём подходе, поднимаясь высокой волной вдали, оповещают, что окажется перед нами через 10 лет. Зарождение этого явления не нужно торопить, всё должно происходить естественным путем. Прибывающая волна окажет огромное влияние на формирование многих демократических структур на Среднем Востоке, и тогда у Турции появится возможность. И если действовать не от лица индивидуума, а от лица государства, то возможно появится результат.

2012 году во время правления Мурси, к власти приходит ассоциация «Братья-мусульмане». Набрав на выборах 52% голосов «Братья мусульмане» не способны были *«управлять страной, несмотря на то, что были у власти».* При власти Мурси, наблюдались тесные турецко-египетские отношения. *По причине того, что основатели ПСР были выходцами из «Национального взгляда», который являлся исламистским движением, в Арабском мире и в Египте исламистскую Партию справедливости и развития стали воспринимать и принимать как близкую партийную модель. Светские слои общества сблизились, хотя и с большей осторожностью* [35, с. 160]. В то время как это играло положительную роль при власти исламистского крыла, во время правления Сиси со светскими убеждениями значение вышеизложенного фактора изменилось на противоположное. С другой стороны Турция не смогла рассчитать силу и мощь США в египетской армии. 28 января в Турции памятуется переходом на карточную систему. ПСР расписала план расплаты за несправедливость «Братьям-мусульманам». Самым ярким событием в период правления Мурси стало формирование «*гражданского кодекса»* [36]. Конституция Мурси написана с принципом амплитуды от всеобъемлющего обладания египетским обществом до его социализации с другими обществами. Правление Мурси длилось один год. За этот год он постарался провести десятилетние мероприятия. Обилие осуждений [37] от существующих коридоров власти и противостояние зарубежных сил пришлись на время его правления. С тех пор ПСР стала стремиться повлиять на Мурси в его процессе управления. По мере того, как 28 февраля Партия благосостояния не получила власть, Турция начала вмешиваться в события в Египте. Египет не Турция, а «Братья-мусульмане» не Партия Благосостояния. В процессе формирования гражданского кодекса наряду с ликвидацией секуляристов, мусульмане сунниты Египта, играющего роль в международном соотношении сил, придерживались не

вмешательства в равновесие сил на Среднем Востоке, поддержания имеющейся политической структуры. Был устроен переворот против Мурси. К власти пришёл Сиси. Мы становимся свидетелями того, что Запад *«не называет происходящие события словом переворот»,* тот же основатель концепций, что на всем Среднем Востоке (Англия, США)не позволяет Арабской весне превратиться в революционное действие противостояния. В процессе переворота в Египте произошло подавление движения исламистов-суннитов. Правительство Турции стало восприимчивее в связи с налаживанием тесных контактов ПСР в Сирии и свержением Мурси в результате переворота. В вопросах политической власти все чаще стали переходить на личности. Похожая ситуация была замечена в отношениях с Сирией. Выстраивание там политики сначала вместе с Асадом, а потом против него и после его свержения, показали наглядно, что Давутоглу и Эрдоган по-разному интерпретируют события. Похожий на те, что защищают в Ливии и Египте, принцип Давутоглу с точки зрения этики заключался в непосредственной близости к народу. А Эрдоган в своих концепциях придерживался эмоциональной точки зрения, раскритиковав, случившееся с Мурси и произошедшие с Эрбаканом события 28 февраля. Премьер-министр Эрдоган воспринял переворот в Египте, как совершенный против себя. Личные, исламистские поступки и понятия были интерпретированы как государственные принципы Турции. После свержения Мурси турецко-египетские отношения прекратились. Египет обвинил Турцию в интервенции во внутренние государственные дела. В результате личные чувства вновь возобладали над политикой государства. В ноябре 2014 года на этот раз в качестве президента Турции Эрдоган выступая на заседании ООН в Нью-Йорке, и обращаясь к Генералу Сиси, провалил попытку наладить взаимоотношения между двумя странами. В это время в декабре 2014 года свергнутый диктатор Мюбарек обжаловал свой приговор. Это говорит о том, что стрелки на Среднем востоке все еще были повернуты в сторону диктатуры.

За это время в турецко-египетских отношениях политически свободный исламизм и индивидуальный образ поведения стали определяющими факторами. Вначале Арабской весны большинство высказываний, принадлежащих Турции, которые были изложены в защиту демократии, были взяты за основу в политике стран Среднего Востока. Однако впоследствии Турция превратилась в государство-мишень для Арабских стран.

Заключение

С приходом к власти Партии справедливости и развития в 2003 году во внешней политике Турции зародилось новое явление. Это явление носило длительный характер на протяжении всей истории. Понятие, которое опирается на такие социальные гены, как религия, история, культура и язык народа, служило для постепенного обретения Турцией сначала региональной, а затем всемирной силы. И хотя в дипломатическую историю, касающуюся отношений с соседями, вошли такие понятия как «принцип нулевых проблем», «ритмичная дипломатия», наблюдается различное проявление их в действии. Вплоть до 2009 года основное распределение сил в мире, в особенности отстранение Обамы от Среднего Востока, смена политического направления США и ориентировка на Тихоокеанский регион, привнесло в турецкую внешнюю политику новые принципы, воплощенные в жизнь. В близлежащих регионах Турция вещала, но воплотить свою деятельность так и не смогла. Турция вначале шла за Балканами, а затем её позиция весьма конкретно была обращена к Среднему Востоку. До Арабской весны авторитет Турции повысился скорее среди народных масс, нежели среди руководящего правительства стран Среднего Востока. И Давосский кризис, который был изучен в нашей статье, стал своего рода христианской эрой или точкой отсчета в данном процессе. В центре исторических фактов, повлиявших на обращение Турции в сторону Среднего Востока, была основная идея. Пожалуй, это была Палестина. Целью политики в

Палестине было завоевание общественного мнения арабского мира, решение постоянной проблемы, а также психологическая победа или ограничение несломленной силы Среднего Востока – Израиля. До события на пароходе «Мави Мармара» Турция вела счёт, однако после него положение дел во внешней политике страны кардинально изменилось. Первое, что бросается в глаза это кодекс поведения в Арабской весне и Палестинском вопросе. Начиная с 2009 года, изменчивая политика Турции в Сирийском кризисе, стала основной причиной давления на внешнюю политику.

Общая проблема, которая прослеживается и в Палестине, и в Египте, и в Сирии это разница в тактике лиц, определяющих и применяющих политику в управлении кризисом. К тому же, наблюдается влияние старых верований, политических идеологий и манер поведения на личные действия исполнителей.

Если мы посмотрим на внешнюю политику как на футбольный матч, то перед тем как выйти на поле, ожидается достижение результата, которое складывается из тренировок, дисциплины и командной игры. Однако некоторые игроки, выйдя за рамки дисциплины, начинают вести свою игру, забивают гол, что, естественно, нравится зрителям, и тогда начинают полностью играть на трибуну. Успех, которого добивается один из таких игроков в данном матче, в результате поддержки зрителей, становится причиной превращения игры в личное достижение. По прошествии времени все игроки команды, не послушав специалиста по технике, будут стараться передать мяч игроку, который ранее забил гол, чтобы он повторил попытку. После установления рекордного счета тот игрок заменяет специалиста по технике. А план игры настоящего специалиста по технике и цели команды тогда будут сильно разниться. Данный пример полностью обрисовывает картину внешней политики Партии справедливости и развития к концу 2013 года.

Принцип региональной значимости Турции продвигался. А вот действия по данному принципу явно отставали. Громкие выражения

настораживали лидирующие страны Среднего Востока. Турция путём ошибок поняла, что при выстраивании политики следует руководствоваться не чувствами, а разумом. Стратегия действий по отношению к другим странам персонифицирована. Международные связи находятся под замком, которые до сих пор не удалось открыть. Это последствие превращения личных верований руководителя политической партии в принципы всей партии и страны. Но эти принципы не могут противоречить установленным основным видениям страны. Политическая власть обязана претворить в жизнь данные видения.

В результате, несмотря на все отрицательные стороны во внешней политике, проводимой правящей Партией справедливости и развития, Турции приобрела бесценный опыт. Насколько повлияло личное поведение лидеров на политику страны видно в разрезе прошедших событий. В период правления ПСР в результате эпизодического смешивания внутренней и внешней политики и ведения десятилетиями пассивной внешней политики, Турция, предпринимая активные шаги, по неопытности оказывалась в затруднительных положениях. Несмотря на отрицательные стороны, все пережитое следует воспринимать как приобретенный опыт. И несмотря на всё внешняя политика Турции, с большим трудом, но продолжает идти к своей цели. Этого не стоит забывать. Турция не имеет право упускать это столетие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аптюлахат Акшин**. Принципы и дипломатия во внешней политике Ататюрка, Анкара 1991.
2. **Мехмет Гёнлюбол**, **Джем Сар**. Ататюрк и внешняя политика Турции (1919-1938), Анкара 1997.
3. **Тюрккайя Атаёв**. Америка, НАТО и Турция, Анкара 1969.
4. **Мехмет Сарай**. Перед лицом советской угрозы. Вступление Турции в НАТО. Воспоминание и документы третьего президента республики Джеляля Байяра, Анкара 2000.

5. **Камран Инан**. Турция, которая может сказать нет, Стамбул 1995.
6. **Хюсейн Багджи**. 1950-е годы в турецкой внешней политике, Анкара 2007.
7. **Кемал Карпат**. История Внешней политики Турции, Стамбул 2012.
8. **Ахмет Давутоглу**. Стратегическая глубина. Международный вопрос Турции, Стамбул 2011.
9. **Шериф Мардин**. Политические точки зрения младотурков 1895-1908, Стамбул 1992.
10. **Жезми Эрсалан**. Абдулхамид II и исламское объединение, Стамбул 1992.
11. **Алаэддин Ялчинкайя**. Джемаледдин Эфгани, Стамбул 1995 .
12. **Джемаледдин Афгани**, **Мухаммед Абдих**. Великая борьба за свободу мусульманства Джемаледдина Афгани. (перевод Ибрагим Айдын), Стамбул 1987.
13. **Бекир Гюнай**. «Деятельность Мухаммеда Александра Рузелла Вэбба в США в рамках панисламистской политики Абдул-Хамида II» // XIV. Конгресс, посвященный турецкой истории, Анкара 9-13 сентября 2002 г. Представленные на конгрессе выступления. II том, часть 2.
14. **Тарык Зафер Тунайя**. Западнические направления в политической жизни Турции, Стамбул 1996.
15. **Шериф Мардин**. Феномен личности Бадиуззаман Саида Нурси, повлекшей изменения в религиозной и общественной жизни Турции, Стамбул 1992.
16. **Акиф Эрсой**. Модернизировать или исламизировать? , Стамбул 1983.
17. **Исмаил Кара**. Мысли об исламизации Турции, материалы/люди, II, Стамбул 1989.
18. **Ясин Актай**. «Изучение списка личностей, относящихся к исламу и политической деятельности в Турции». Избранные культурные и политические сведения на изменчивом Среднем Востоке, Анкара 2012.
19. **Сейид Кутуп**. Справедливость в Исламе, (перевод Яшар Тюнагёр, доктор Аднан Мансур), Стамбул 1962.
20. **Зейтун Рефреф**. Как воспринимать Иран, Анкара 1986.
21. **Хамид Алгар**. Истоки исламской революции, Стамбул 1988.
22. **Али Шериати**. Возрождается ли капитализм, Стамбул 1986.
23. **Ибрагим Кафесоглу**. Турецкий исламский синтез, Стамбул 1985.
24. **Сейид Шаббир Хюсейн**. Советская оккупация Афганистана, (Перевод Исмаил Босналы, Абдуллах Арслан), Стамбул 1982.
25. **Али Яшар Сарыбай**. Модернизация Турции. Религия и политика партии. На примере явления Партии национального спасения, Стамбул 2008.
26. **Эргюн Йылдырым**. Взгляд на светскость исламизма в Турции, Избранные выступления по культуре и политике на Среднем Востоке, Анкара 2012.
27. **Кемал Карпат**. История турецкой демократии. Социальные, культурные и экономические основы, Стамбул 2008.

28. Кемал Хабиб. «Экспериментальная дискуссия турецких исламистов в Аравийском районе», Избранные выступления изменчивая культура и политика на Среднем Востоке, Анкара 2012.
29. Неджметтин Эрбакан. Проблемы Турции и пути их решения, Анкара 1991.
30. Бурджу Сунар. Определения концепций внешней политики Партии Справедливости и Развития; Исследование сводки по Турции // Журнал Университета Сулеймана Демиреля Факультета экономики и развития. 2013. Том 18, № 3.
31. Кемаль Карпат. От Османской империи до наших времен. Элита и религия, Стамбул 2009.
32. Тарык Огузлу. «Изменчивая динамика развития турецко-израильских отношений» Анализ Среднего Востока, Апрель 2009, том 1, номер 4.
33. Абдулкадир Чевик, **Бахар Сенем Чевик Эрсайды**. «Психо-политический фактор и общественное мнение в турецко-израильских отношениях», том 5, №2, 2011.
34. Тарык Огузлу. «Кризис в турецко-израильских отношениях и политика «соотношение сил», Анализ Среднего Востока, сентябрь 2011, том 3, №33.
35. Ахмет Уйсал. «Восприятие Турции в Египте до революции (2005-2010)», Журнал академических исследований, том 6, № 2 (2011).
36. Газета Star, от 15.12.2012 г.
37. Mursi'nin 369 gün süren iktidarında neler oldu? URL: http://t24.com.tr/haber/mursinin-369-gun-suren-iktidarinda-neler-oldu,233511.